IX 1980

9 2 9

ТУ-19-241-77

0

5

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—218

РГДБ 2017
Я. СЕГЕЛЬ
КАК Я БЫЛ ОБЕЗЬЯНКОЙ
ХУДОЖНИК К. БОРИСОВ

Когда я был уже не очень маленький, но ещё не совсем большой, когда мне было три с половиной года, папа в один прекрасный день сказал: «Мы идём в цирк! Там выступает мой друг, знаменитый дрессировщик Анатолий Анатольевич Дуров!»

И вот мы идём в цирк.

Приходим к Анатолию Анатольевичу Дурову. Он обнялся с моим папой, а потом сказал: «Ну, пойдёмте, я покажу вам нашу железную дорогу».

Это была замечательная железная дорога: на маленьких рельсах стоял маленький поезд. Всё в этом поезде было точь-в-точь как в настоящем, только маленькое.— «Эх, покататься бы на таком!» — подумал я.

Потом Дуров повёл нас мимо клеток с животными, и все зверушки очень обрадовались, когда увидали Анатолия Анатольевича.—«Я их никогда не наказываю и не обижаю,—сказал он.—А после представления даже угощаю чем-нибудь вкусненьким».

—«А потом,—спросил я,—все они поедут на том поезде?»— «Да,—сказал Дуров.—Я их научил, и теперь они очень любят кататься на нём. И они никогда не ссорятся друг с другом».

—«И он поедет?»—спросил я, когда мы подошли к слону.— «Что ты?! Он же такой громадный, что не поместится ни в один вагон, и такой тяжёлый, что может раздавить всю нашу железную дорогу. Поэтому мы его назначили начальником станции».

И наконец дядя Толя Дуров показал мне свой паровоз. Он был зелёный с чёрной трубой, с блестящими медными фонарями и медными краниками. Из трубы шёл дым, из-под колёс свистел пар.

И вдруг мой папа заметил, что Дуров стал грустный-грустный и чуть не плачет.—«Толик, что с тобой? Что случилось?»— «Ах, Саша,—отвечал Дуров.—Яшенька заболел...»—«Что вы,— мама погладила меня по голове.—Он совершенно здоров».— «Нет,—грустно усмехнулся Дуров,—заболел не ваш сын Яша.

Заболела моя обезьянка Яшка, машинист нашего поезда».— «Значит, железной дороги не будет?»—расстроился я.—«Да,— Дуров только развёл руками.—Без машиниста нам не обойтись.

Но ты не расстраивайся. Железную дорогу ещё успеешь посмотреть. А пока походи здесь, погляди, как цирковые артисты готовятся к выступлению. Ведь они, прежде чем выйти на манеж, раз по десять проделывают свои трюки и фокусы за кулисами».

Через минуту я уже совсем не жалел, что остался здесь и не пошёл в зрительный зал. Интересного было ничуть не меньше, а, может быть, даже и больше: акробаты...

фокусники...

жонглёры...

велофигуристы...

акробаты на катушках...

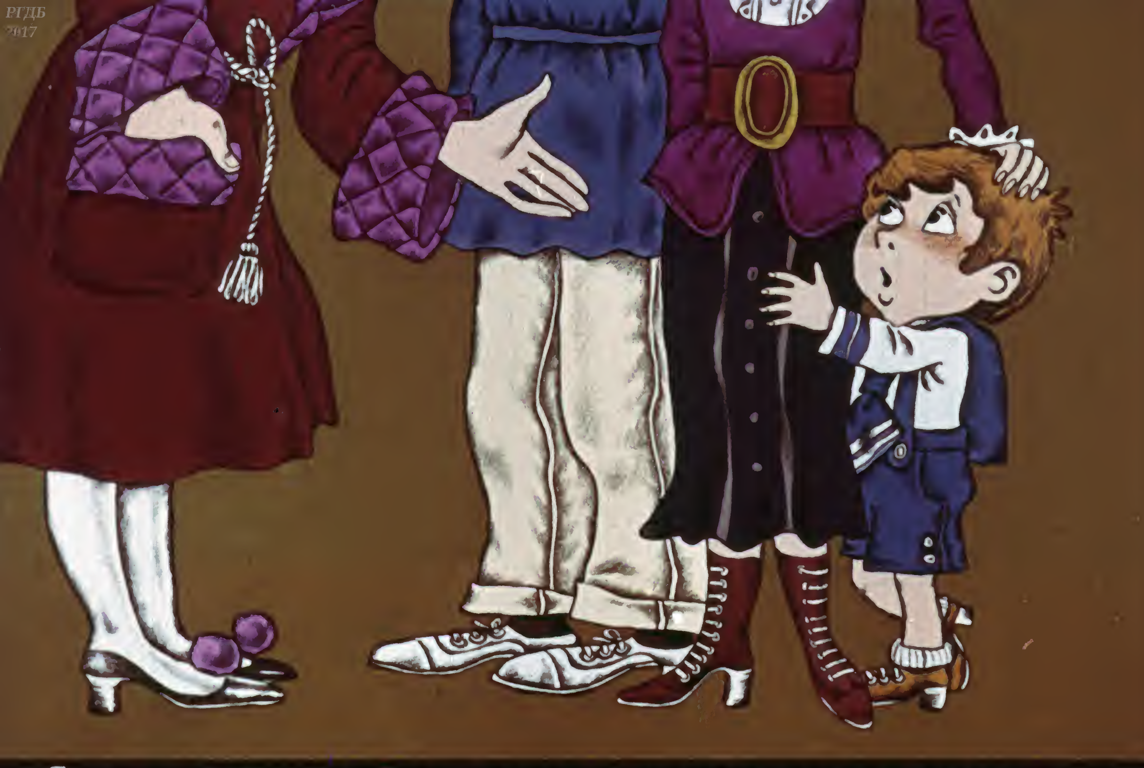
балерины на лошадях...

и даже группа метких стрелков!

Мы уже осмотрели всё и собрались уходить, когда нас догнал Дуров: «Подождите, подождите! Мне, кажется, пришла в голову одна замечательная мысль!—и он спросил меня:— Ты смелый мальчик?»

Я на всякий случай прижался к маме и сказал еле слышно: «Смелый».

—«Хочешь сегодня быть обезьянкой?—спросил меня Дуров.— То есть, я хотел сказать машинистом! Хочешь?!»—«Ну обезьянкой, наверное, нет,—помогла мне мама.—А машинистом, наверное, да».

— «Конечно! — рассмеялся Дуров. — Я только хочу попросить вашего Яшеньку прокатиться в костюме нашего Яшки на паровозе, вот и всё». — «Соглашайся, сынок! — сказал папа. — Другого такого случая в жизни не будет! Эх! Был бы я сам поменьше ростом!»

А в это время вокруг меня собрались почти все артисты цирка и ждали, что я отвечу. И тогда я сказал: «Хорошо!»

Эх, что тут началось! Не успел я опомниться, как меня сначала раздели...

а потом начали одевать в костюм машиниста. Чтобы никто не догадался, что на паровозе едет мальчик, мне намазали лицо коричневой краской, а на руки надели кожаные перчатки.

—«Ну, готов?—спросил Дуров.—На паровозе ничего не трогай, он сам поедет, когда нужно».—«А гудок?»—спросил я.—«Молодец!—похвалил Анатолий Анатольевич.—Гудок—это самое главное! Как дёрнешь за эту верёвку, паровоз загудит».

Грянула музыка, и из форганга (так в цирке называется центральный выход на манеж), минуя униформу (так в цирке называются рабочие на представлении), вышел шпрехшталмейстер (так в цирке называется человек, который объявляет зрителям, что они сейчас увидят).—«Анатолий Анатольевич Дуров,—прогремел он так, что было слышно даже на улице,—и его знаменитая железная дорога!»

Зрители громко захлопали, а некоторые даже повскакивали с мест. Так они обрадовались встрече с любимым артистом.

А Дуров уже стоял в центре манежа (так в цирке называется круглая сцена посередине). Он весело улыбался и, подняв руку, приветствовал зрителей.

Слон ударил в большой медный колокол, енот поднял семафор, и из форганга показался паровоз, на котором сидел я. Мне становилось то холодно, то жарко—так я волновался. Но один из униформистов весело крикнул мне: «Ну, Яшка, не бойся! Гуди сильнее, машинист! Счастливого пути!»

Я дергал за верёвку, мой паровоз гудел, и я даже не заметил, как перестал бояться. Так мы проехали целых три круга...

А потом Дуров тут же на манеже угощал всех своих пассажиров разными лакомствами: зайцу — морковку, кошке — молочка, мышкам — сахару, а мне — сладких орешков...

Как давно был этот прекрасный день! Сейчас я, наверное, похож скорее на слона, которого нельзя пускать в маленький поезд. С тех пор мне больше не попадались такие вкусные орешки...

КОНЕЦ

Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор О. Новозонов

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7
Цветной 0-30
Д-086-79